

А. А. Смирнов
(Московский госуниверситет
имени М. В. Ломоносова)

СТАНОВЛЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА В ЛИРИКЕ ПУШКИНА

Категория идеала в начале XIX в. приобрела особое значение для поэтического и литературно-теоретического сознания. Исключительно важной она стала и для поэзии Пушкина. Изучение проблемы идеала в отношении к лирике Пушкина в современном литературоведении ведется крайне непоследовательно и отрывочно. После известных работ Г. А. Гуковского "Пушкин и русские романтики" и В. М. Жирмунского "Байрон и Пушкин", "Пушкин и западные литературы" существенный вклад в разработку указанной проблемы внесли статьи А. М. Гуревича "Лирика Пушкина в ее отношении к романтизму (о нравственно-эстетическом идеале поэта)"¹, "На подступах к романтизму (о русской лирике 1820-х годов)"², "Проблема нравственного идеала в лирике М. Ю. Лермонтова"³. Работы А. М. Гуревича активизировали изучение проблемы идеала в романтической литературе 20-30-х гг. XIX в. в России. Но в настоящее время этот несомненно ключевой вопрос не получает систематического и последовательного разрешения. Становление нового идеала в лирике Пушкина и его последующая эволюция требует тщательной и обширной историко-литературной разработки.

Общезвестно, какой высокий смысл вкладывал в понятие идеала Белинский: идеалы – "не произвольная игра фантазии, не выдумки, не мечты; и в то же время идеалы – не список с действительности, а угаданная умом и воспроизведенная фантазией возможность того или другого явления"⁴. Свой эстетический идеал Белинский видел в поэзии Пушкина. И действительно, понятие идеала существенным образом определяет своеобразие великой эпохи философских раздумий и масштабных исторических обобщений рубежа XVIII-XIX вв., находится в центре творческих исканий русских и зарубежных поэтов и мыслителей. Именно в это время благодаря гению И. Канта повсеместно в Европе утверждается сама категория идеала как предела, достигаемого путем максимального совершенствования познания в сфере литературы и искусства.

Задачу данной краткой работы составляет попытка наметить

некоторые существенные моменты в становлении основных форм поэтического идеала в лирике Пушкина 10 – начала 20-х гг.

В разные периоды поэзия великого новатора ориентировалась на различные типы идеалов. К началу XIX в. более или менее четко определились следующие подходы к избранной категории: сближение совершенного и прекрасного в рационалистической эстетике Баумгартена, установившего принцип "единства в многообразии" в качестве его условия; утверждение Винкельманом мысли об идеальном и внутренне непротиворечивом представлении о красоте, существующей в искусстве, а не природе, так как только в нем объединяются рассеянные по разным индивидуальным предметам отдельные части прекрасного; выдвижение в период веймарского классицизма Гете и Шиллером идеи прекрасного как полновесной самостоятельности и внутренней завершенности любого момента жизни и искусства: гений каждый раз наполняет вечный закон искусства свободным и свежим чувством и открывает красоту в гармонии разума и чувства, закона и случая. Если большинство из этих представлений об идеале могло войти в сознание Пушкина через знакомство с теми или иными теоретическими положениями, то рождение нового романтического идеала Пушкин наблюдает как современник.

Цель романтического идеала образует идея бесконечного становления и совершенствования внутреннего мира человека, перед которым открывается перспектива непрестанного творческого деяния. Этот идеал создается на собственно эстетической основе, как идеал прекрасного, отрицающего заранее предписанные регулятивные принципы художественно-поэтической деятельности. Новый тип подхода ко всем формам духовно-эстетической деятельности у романтиков Гегель определил следующим образом: "Подлинным содержанием романтического служит абсолютная внутренняя жизнь, а соответствующей формой – духовная субъективность, постигающая свою самостоятельность"⁵.

Пушкинские представления об идеале в известном отношении соприкоснулись со всеми из названных трактовок: в анакреонтических, эпикурейских, антологических, сентиментально-романтических, собственно романтических и реалистических стихотворениях шла сложнейшая поэтическая эволюция.

Первые ценностные декларации приходятся на анакреонтический период развития его лирики, затем, пройдя ряд сложных

преобразований во второй половине 10-х гг., идеал становится в ценностном аспекте монистическим – романтизм господствует в период южной ссылки. Во второй половине 20-х гг. целостные представления об идеале постепенно расслаиваются, сменяясь своеобразными “диадами” – покой и воля, природа и человек, природа и искусство... Разветвление и усложнение ценностных ориентаций пушкинского лирического героя свидетельствовало об утрате романтизмом своего единого державия. Собственно антиромантические позиции отчетливо ощущаются как в оригинальных, так и переводных (в понимании поэтов начала XIX в.) стихотворениях 30-х гг.

На пути к романтическому идеалу Пушкин блестяще освоил атрибутику анакреонтического идеала, нашедшего свое непосредственное выражение в “легкой поэзии”. Первое признание ценностей эпикурейского идеала содержится уже в ранней лирике лицейского периода, когда Пушкин обращается к предельно простым и наглядным образам, лишенным какого-либо налета таинственности, исключительности. Они доступны всем желающим приобщиться к ним, воспринимаются просто, незатруднительно, естественно и однозначно:

О могущество вина!

Вдруг сокрылись скорби, муки,

Мрак душевный вмиг исчез!

Лишь фиал к устам поднес,

Все мгновенно пременялось,

Вся природа оживилась,

Счастлив юноша в мечтах!

(подчеркнуто нами. – А.С.)

(1, 55-56)⁶.

Приобщение многочисленных поклонников анакреонтического идеала к первоисточнику беспечного веселья носит “игровой” характер – все оказывается предельно легким и абсолютно доступным. Любовные переживания героя носят откровенно чувственный характер, земные наслаждения ограничивают круг интересов лирических персонажей, наделенных, как правило, чертами изящества, грациозности, зримыми признаками молодости. О духовных интересах личности обычно умалчивается или сообщается крайне скупо. Вот наиболее типичные декларации 10-х гг.:

Любви нет боле счастья в мире:

Люби – и пой ее на лире... (1, 73);

Любовь одна – веселье жизни хладной,

Любовь одна – мучение сердец (1, 214);

Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радости и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту! (1, 214).

Законом поведения становится, однако, такое веселье, которое позволяет избегать сильных чувств и глубоких размышлений, т.е. всего того, что может нарушить равновесие душевного состояния, причинить боль, потревожить беспечное состояние приятного ощущения удовольствия (см. послание "К Шербинину" 1819 г.). Благодаря игровому поведению всех действующих лиц жизнь и поэзия становятся неразличимыми. В анакреонтике правом на радостно бездумное мироощущение наделяется как можно большее количество людей – упоенные чувственными удовольствиями счастливцы, круг которых постоянно расширяется, приближаются к радостям поэзии и взаимной дружбы. Пушкин, таким образом, переосмысляет известное послание Парни "À mes amis":

Давайте петь и веселиться,
Давайте жизнию играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать (П, 129)7.

Эпикурейско-гедонистическое мироощущение лежит в основе почти всех камерных жанров ранней лицейской лирики "арзамасского" типа: романса ("Певец"), элегии ("Уныние"), мифологической картинки ("Фавн и пастушка"), мадригала ("К Маше"), песни ("Задравный кубок"), послания ("К Пушину", "К сестре").

В отличие от монологической сосредоточенности романтиков на едином анакреонтическом идеале многопланов: презрение к богатству и славе, мирской суете, преодоление зависти и дурных пороков, безмятежность духа, стремление к умеренности, "золотой середине", наслаждение любовью, поэзией и радостями юности. Широкий перечень тех предметов, которые составляют "мудрость жизни", содержится в "Послании к Галичу" (1, 136–138). Легкая поэзия, хотя и в ослабленном виде, продолжала возрожденческую трактовку телесной красоты, согласно которой мера чувственного наслаждения заключена в самом человеке, не имея извне установленных ограничений. С поэзией анакреонтического идеала Пушкин противостоял христианскому дуализму и аскетизму, а также стоицизму классицистов.

И романтический идеал унаследовал от возрожденческой концепции прекрасного мысль о человеке как мере и границе всех вещей, высшем продукте органического развития во вселенной, о художнике-творце, восходящем по бесконечным лабиринтам совершенства к вершинам познания. Так что переход Пушкина от одной концепции к другой совершался плавно, без резкого разрыва.

Неожиданную поддержку идеал легкой поэзии получил со стороны философско-эстетической доктрины сенсуалистов, пытавшихся найти новые способы и формы воздействия на чувства и воображение людей. Так, Э. Берк, представитель английской психологической эстетики, в трактате "Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного" определяет содержание идеала красоты не величию описанных в поэмах добродетелей, а "мягкими" свойствами человеческого характера – добротой, терпимостью, состраданием, не величиной и грандиозностью изображаемых предметов, а их слабостью, хрупкостью, тонкостью и миниатюрными размерами. Красота постигается не умом или волевым усилием, а непосредственным чувством, доставляет наслаждение. Теоретическая актуализация эмоционального истолкования чувства прекрасного связана с последним в европейской поэзии всплеском популярности легкой поэзии. Любовь вызывает то, что "доставляет удовольствие", мы любим то, "что покоряется нам"⁸, – эти лозунги Берка могут быть поставлены в качестве эпиграфа к поэзии Пушкина лицейского периода. При всей своей вторичности и условности ранняя лирика Пушкина способствовала гуманизации человеческих взаимоотношений, раскрепощению чувств, новому подходу к природе и окружающей обстановке, раскрытию свободных проявлений личности.

Господствующее положение в лирике 20-х гг. займет, конечно, романтическое одухотворение душевных переживаний любящего человека, столь неповторимо запечатленное еще на уровне поэтической фразеологии – "чистейшей прелести чистейший образец", "гений чистой красоты", когда возвышенное чувство неподвластно никаким случайным капризам поведения лирического персонажа, так как оно всегда сильнее и глубже личной сферы чувств лирического "я". Взлет эмоций в стихотворениях "Буря", "Я помню чудное мгновенье...", "Мадона", "Красавица" теряется в бесконечности романтического времени и пространства.

Показательным примером постепенного перехода от легкой поэзии к романтической лирике является стихотворение 1819 г. "Дорида". Первые строки воссоздают шаблонный образ красавицы, который исчерпывается признаками "приятного", "милого", примитивного, элементарного отношения к объекту изображения:

В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые...
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались...

Затем, однако, происходит неожиданный перелом ситуации:

Я таял: но среди неверной темноты
Другие милые мне виделась черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали (П, 82).

Реальность моментально очевидного сменяется непредсказуемо новым представлением о желанно идеальном, которое в чем-то сходно с прежним ("милые" черты) и одновременно резко отличается ("другие" черты, "имя чуждое"), обретая статус неопределенности ("среди неверной темноты", полон "таинственной печали"). Впечатление неустойчивости нового желания лирического "я" усиливается подчеркнутой остротой прежних переживаний ("негу пил душой", "я таял"). Так Пушкин делает первые шаги на пути к собственно романтическому идеалу, определяемому не субъективными намерениями лирического "я", а сверхличной инстанцией, гарантирующей возникновение реальности.

Близость к романтическому мышлению отразилась в цикле элегий 1816 г.: "Певец", "Желание", "Осеннее утро", "Разлука", "Элегия" ("Я видел смерть..."), "Элегия" ("Я думал, что любовь погасла навсегда..."). Это — устремленность внутрь сознания лирического героя, обладающего душевной независимостью, психологической автономностью. Однако реализации собственно романтического идеала не произошло, так как эта внутренняя жизнь лишена проблематичности и нового характера отношения к окружающей жизни, духовно-эстетический идеал остается в рамках ранней лирики Жуковского.

Новые формы связи эстетического идеала с исторически из-

меняющимся общественным идеалом устанавливаются в поэзии Пушкина второй половины 10-х гг. Первые симптомы новой трактовки прекрасного и художественной правды обнаруживаются в "Деревне", где духовно раскрепощенный человек открывает новые ценности своего внутреннего мира под влиянием более глубокого проникновения в окружающую действительность. Деревню поэт рисует в целом в соответствии с традицией сентиментализма, дополняя ее романтическими новациями. Таков образ пустынного уголка, где праздный поэт-мечтатель, забытый светлыми друзьями, предается счастливому созерцанию умиротворенной природы, размышляет об истинах, обращается к заветам вольности, идущим от "оракулов веков". Но внешняя идиллия первой части сменяется открытым беспокойством во второй. Будучи освобожденным от "светных оков", поэт стремится к подлинной свободе, обоснованной гражданскими идеалами. "Истина" и "закон" требуют от него отказаться от притязаний непросвещенных дворян, которые глухи к необходимости общественных изменений и отказываются регулировать свои отношения с народом на основе законов. Злодеи не видят пользы в законе, глупцы их не понимают и даже при всем своем величии "на троне" оказываются неправыми.

В отличие от традиционной для сентименталистов идеализации "пустынного уголка", которая утверждала беспечную лень как форму независимости, пушкинский поэт стремится к творческому труду, высокому вдохновению, путь к которому открывает деревенский досуг. Этот "уголок" не идилличен – отсюда воочию видны противоречия действительности, и крестьянские горести не позволяют ему безраздельно отдаться творческому труду. Поэт хотел бы "тревожить сердца" горячей гражданской проповедью, но эта миссия оказывается ему недоступной, так как судьба отказала в грозном "даре витийства". Поэтический жар оказывается бесплодным, не способным пробудить сердца граждан для обличения презренного рабства, унижающего человеческое достоинство. Творческий труд поэта, направленный на поиски всеобщей истины, требует душевного равновесия, но оно нарушается зрелищем антигуманных человеческих отношений. Обнаруживается несовпадение внешнего опыта, приводящего художника к разладу с душевной незрелостью, малодушием современников, и внутренней линии движения души поэта, утверждающего внеличностные ценности гражданского служения

истине ("рабство падшее"). Внутреннее горение поэта, жар души требует перейти от мысли о частичном улучшении жизни к мечте с разрешении всеобщих противоречий:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря? (П, 91).

Внутренний духовный мир поэта-творца приобретает в стихотворении статус высшей ценности. Но разлад мечты и действительности не достигает стадии двоемирия, а уединение поэта в деревне обладает только облагораживающим и воспитывающим характером, духовная жизнь протекает в строго размеренном и величавом (в содружестве с оракулами веков) виде на лоне замкнутого и целостного ландшафта. Подлинно романтическим местом уединения, соответствующим новому идеалу, станет пустынная и дикая природа, где никак не обнаруживается присутствие цивилизованного человека. Такой пейзажный "эквивалент" Пушкин создает в конце стихотворения "К морю":

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.
В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн (П, 333).

Своеобразный синтез всеохватной свободы морской стихии и пустынного уединения позволяет поэту, находящемуся в состоянии внутренней одержимости, обрести идеальную сферу существования.

Главным моментом в становлении романтического идеала стала абсолютизация ценностей свободы, наиболее отчетливо прослеживаемая в послании "К Чаадаеву". Сильная гражданская страстность, лирически утверждавшаяся в "Деревне", достигает исключительного накала, переходит в сферу общенациональных политических идей:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы! (П, 72).

Категория романтического душевного порыва становится центром ценностной ориентации личности, итог духовной экзальтации резюмируется с обезоруживающей очевидностью:

И на обломках самовластья

Напишут наши имена!

(П, 72).

Свобода отечества осознается в ее сверхиндивидуальном содержании, что подчеркивается скрытым уподоблением душевных движений природной стихийности. Образы бури, моря, океана станут действенными составляющими романтического идеала в 20-е гг. Новое собственно романтическое понимание свободы противостоит бездумному гедонизму легкой поэзии. Эстетический в своем истоке идеал обретает нравственную конкретизацию: легкомысленные забавы юности, неопределенность личной позиции ("как сон, как утренний туман") противостоят глубиной духовной устремленности ко всеобщей цели. Движение всепоглощающего чувства принципиально бесконечно, возможное опережает действительное, вольнолюбие, патриотизм, общественное самосознание становятся легко объединяемыми формами душевного порыва. Эстетический идеал сливается с гражданским долгом и обретает высшую ценность⁹.

Во втором послании к Чаадаеву 1821 г. романтический идеал получит детализацию как в плане общей судьбы лирического героя, так и в отношении к романтической концепции художника:

В уединении мой своенравный гений

Познал и тихий труд, и жажду размышлений.

Владею днем моим; с порядком дружен ум;

Учусь удерживать вниманье долгих дум;

Ищу вознаградить в объятиях свободы

Мятежной младостью утраченные годы

И в просвещении стать с веком наравне.

Богини мира, вновь явились Музы мне

И независимым досугам улыбнулись (П, 187).

В этом послании актуализируются мотивы дружбы в свете собственно романтического идеала, ценность дружбы понятна лишь посвященным в тайны единомышленникам, взаимные симпатии не бездумно безотчетлы (как в анакреонтике, где круг участников пира жизни непрестанно расширяется), а связаны некими обязательными условиями (идейными, политическими, психологическими). Чаадаева Пушкин окружает ореолом избранни-

ка судьбы, хранителя доверенных ему романтических тайн. Ценность личности сугубо индивидуальна, не может быть осознана непосвященными.

В 1820 г. в стихотворении "Погасло дневное светило" Пушкин достигает целостного воплощения романтического идеала. В центре произведения находится личность самого автора, вольнолюбивого мечтателя, вступающего в новый период своей жизни, жаждущего нравственного возрождения и приобщения к положительным ценностям романтического идеала. Предвосхищение полноты предстоящей свободы сопоставляется с ощущениями, вызываемыми несмолкающей стихией грозного океана. Всей душой поэт устремляется к таинственной в своей прихотливости жизни природы, так как в ней находит созвучный отклик все неосознанное в духовно напряженной и острой внутренней жизни лирического героя. Повторяющийся мотив "шуми, шуми, послушное ветрило" подчеркивает неограниченность душевной устремленности поэта навстречу активным проявлениям стихии. Но несмотря на универсальность эмоции неудовлетворенности лирического героя, перспектива его желаний теряется в смутной противоречивости новых впечатлений. В стихотворении почти не воссозданы чувственно-пластические образы, они тонут в потоке переосмыслений и лишаются какой-либо устойчивости, в нем царит динамика ухода от предметного к психологическому. Добровольное бегство из родного края к отдаленным пределам определяет композицию стихотворения: силой воспоминания поэт обращается к анализу прошлых сердечных переживаний, которые, иссушив душу, привели героя к страданию. Разрыв с прошлым не избавляет его от страданий ("прежних сердца ран, Глубоких ран любви, ничто не излечило"), но обновление души оказывается возможным благодаря подъему, вызванному созерцанием "волшебных краев" "полуденной земли" ("и чувствую: в очах родились слезы вновь", "душа кипит и замирает", "мечта знакомая вокруг меня летает"). "Искатель новых приключений" жаждет приобщиться к идеальной полноте жизни. Необычная интенсивность переживаний, прихотливые переходы в настроении, неослабевающая мятежность, неослабное стремление к новому и неизведанному, интерес к сильным чувствам и одновременно к потаенным сторонам души – все это создает непередаваемую гамму настроений героя, стремящегося к романтическому идеалу мироотношения в его полноте и бесконечном совершенствовании.

Всесторонне романтический идеал раскроется в лирике Пушкина 20-х гг.

Данные наблюдения над процессом становления романтического идеала приводят нас к выводам о том, что идеал явился тем фокусом, в котором поэт выразил свой образ новых человеческих чувств, нового отношения к действительности, отразил новый уровень гуманизации человеческих отношений. Идеал стал последовательно художественным воплощением его концепции человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Проблемы романтизма. М., 1971. Вып. 2.
- 2 Проблемы романтизма. М., 1967. Вып. 1.
- 3 Творчество М.Ю.Лермонтова. М., 1964.
- 4 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 89.
- 5 Гегель Г.Ф.В. Эстетика: В 4 т. М., 1969. Т. 2. С. 233.
- 6 Здесь и далее (с указанием тома и страниц) стихотворения Пушкина цитируются по Большому академическому изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937-1949.
- 7 Анализ этого перевода Пушкина см.: Федоров А.В. Приемы и задачи художественного перевода // Чуковский К., Федоров А. Искусство перевода. Л., 1930. С. 167-168.
- 8 Берк Э. Философское исследование. М., 1979. С. 140.
- 9 Подробнее см.: Рейзов Б.Г. Понятие свободы у Пушкина // Вопросы литературы. 1966. № 12.

М.В.Строганов
(Калининский госуниверситет)

ПУШКИН И МАДОНА*

В апреле 1821 г. Пушкин написал поэму "Гавриилиада". Она была явно цензурной, и ссыльный поэт очень немногим говорил о ней и редко кому давал читать. Но как и некоторые другие его бесцензурные стихи, она распространилась в списках. Один из них в 1828 г. оказался в руках петербургского митрополита, который передал его в Верховную комиссию. Сра-

* Раздел об истории создания "Гавриилиады" написан В.И.Южновичем.

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Калининский государственный университет

А.С.ПУШКИН. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Межвузовский тематический
сборник научных трудов

Калинин 1987